

УДК 94:342.532:351.761.1

**ВОПРОС О «КАБАЦКОЙ КОНСТИТУЦИИ»
В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

Шевченко И.А.

В статье рассматривается обсуждение в Государственной думе Российской империи III созыва (1907-1912) вопроса о возвращении сельским обществам права регулировать нахождение на территории их усадебной оседлости питейного заведения – так называемая «Кабацкая конституция». Это право крестьяне имели до учреждения властями в 1890-х гг. казенной продажи питей («винной монополии») и одновременно практиковали взимание платы с предполагаемого кабатчика за положительное решение в вопросе открытия в селе места торговли спиртным. Правительство, ликвидируя «Кабацкую конституцию», ссылалось на негативные последствия данного права (спаивание кабатчиками сельских сходов). Крестьяне при этом утверждали, что полученные средства вкладывали в развитие образовательной сферы села. Депутаты Государственной думы предприняли свою попытку разобраться в этом вопросе.

Ключевые слова: Государственная дума, «Кабацкая конституция», М.Д. Челышов, борьба с пьянством, трезвость, крестьянство, деревня, сельские общества.

**THE PROBLEM OF THE “PUB CONSTITUTION”
IN THE STATE DUMA OF THE RUSSIAN EMPIRE**

Shevchenko I.A.

The article reviews the issue of the “Pub constitution” which was discussed in the State Duma of the Russian Empire (1907-1912), the issue when rural societies could control the presence of drinking establishment on their territory, a so called “Pub constitution”. It is the right rural societies had before 1890-s when the government started their wine monopoly and continued to take a fee from the owner of a pub for the permission to work in the rural area. The government getting rid of

this constitution said about negative consequences (such as drinking). The peasants claimed to spend this money on the village development. Deputies of the State Duma tried to understand this issue.

Keywords: State Duma, “Pub constitution”, M.D. Chelyshov, the fight against drunkenness, sobriety, the peasantry, the village, rural societies.

Статья подготовлена в рамках проекта «Представительные учреждения России начала XX века в борьбе за народную трезвость» (грант Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук 2018 года. Проект № МК-6496.2018.6).

Вопрос о потреблении алкоголя и борьбе за трезвость для России имеет неустаревающее значение, привлекая в разные эпохи внимание как общественных деятелей и политиков, так и разнообразных специалистов, в том числе историков, раскрывающих исторические особенности противодействия власти и общества угрозе «зеленого змия». Анализ опыта прошлых лет позволит сегодня более эффективно заниматься разработкой программы антиалкогольных мероприятий.

Проблема трезвости и пьянства, а также сопряженные с нею социокультурные, политические, фискальные аспекты, являются предметом научного интереса многих исследователей. Настоящий всплеск внимания специалистов к алкогольному вопросу произошел на рубеже XIX–XX вв. в связи с развитием научного знания и пробуждением активности российского общества в целом. Среди множества опубликованных дореволюционных изданий можно выделить труды Д.Н. Воронова, В.К. Дмитриева, М.И. Фридмана [4; 7; 22]. Советский опыт изучения проблемы был противоречив по причине идеологической ангажированности, в основном научный интерес к вопросам производства, распространения и потребления алкоголя возникал в периоды государственных трезвеннических кампаний [12; 14].

В наши дни изучение соответствующей тематики характеризуется разнообразием сюжетов и углов зрения, под которыми эти сюжеты рассматриваются [1; 3].

Тем не менее, остаются еще сюжеты, недостаточно освещенные в историографии. К таковым можно отнести вопрос о «кабацкой конституции» русской деревни. Так именовали во второй половине XIX – начале XX века право сельских обществ решать самостоятельно вопрос о существовании питейного заведения на территории их усадебной оседлости с возможностью взимания платы с кабатчика за разрешение вести торговлю спиртным [5, стб. 2076-2077]. Данное право крестьяне потеряли с введением на исходе XIX столетия в России государственной монополии на продажу крепкого алкоголя. В 1907-1912 гг. вопрос о возвращении деревне возможности закрывать винные лавки занимал умы народных избранников, занимавшихся в Государственной думе разработкой законопроекта по борьбе с пьянством. В центре нашего внимания – вопрос о «кабацкой конституции» в народном представительстве.

Несколько слов о предыстории проблемы. Масштабные преобразования, связанные с отменой крепостного права, введение акцизной системы продажи алкоголя потребовали определенного упорядочивания питейной торговли в деревне. В 1868 году власти разрешили открывать питейные заведения на территории сельских обществ с разрешения крестьян. Законами 1874 и 1876 гг. это право было подтверждено, а также в связи с распространявшейся практикой власти наложили запрет для сельчан брать плату с желающих открыть кабак или предоставлять кому-либо монопольное право на торговлю спиртным [15].

С 1880-х годов ситуация начинает меняться. Закон 1885 года отнял у крестьян право разрешать продажу алкогольных напитков, оставив право запрещать таковую. Причем это право не распространялось на населенные пункты, стоящие на пересечении торговых путей, ведущие регулярную базарную торговлю, а также где проживало более 5000 человек. В целом правительством был намечен курс на усиление государственного контроля над оборотом спиртного. На губернском и уездном уровне появились присутствия

по питейным делам в составе представителей администрации, земских и городских органов самоуправления, а также чиновников акцизного ведомства. Присутствия должны были контролировать число питейных заведений, по преимуществу – торговавших спиртным на вынос винных лавок, постепенно замещавших распивочные кабаки. Кроме того, губернские и уездные по питейным делам присутствия в итоге утверждали или отклоняли приговоры сельских обществ о закрытии питейного заведения [19].

В 1892 году власти осуществили новый поворот в этом вопросе. Сельским обществам вернули право разрешать продажу алкоголя на своей земле, и одновременно произошла легализация практики взимания за это право денег. При этом полученные средства крестьяне должны были вкладывать в развитие социальной сферы села. Контроль над исполнением закона был поручен земским начальникам [16].

Однако, по мнению правительственных органов, реализация этого закона породила многочисленные злоупотребления. Стал стремительно развиваться подкуп сельских сходов кабатчиками, доходы от разрешительных приговоров часто просто пропивались. В министерстве финансов окончательно определились с негативным отношением к идее свободной торговли алкоголем, началась подготовка и реализация питейной реформы – учреждение казенной продажи питей [18]. В условиях государственной монополии на продажу крепкого алкоголя сельские общества сохранили лишь право запрещать питейную торговлю, однако конечное решение о судьбе в селе винной лавки принимали управляющий акцизными сборами по согласованию с губернатором.

В итоге в 1895-1906 гг. сельскими обществами было составлено 1675 приговоров о закрытии питейных заведений, из которых были удовлетворены 544 (32,5%). В Министерстве финансов утверждали, что далеко не всегда запретительные приговоры крестьян были продиктованы трезвенническими устремлениями. Нередко это было желание ликвидировать в селе казенную

винную лавку, поощряя работу мест тайной продажи спиртного (шинок, корчма), которую разворачивали свои же односельчане [11, л. 57].

В регионах придерживались другой точки зрения. Сельские жители восприняли ликвидацию «кабацкой конституции» как существенное ограничение мирских доходов, и без того не отличавшихся изобилием. Во второй половине 1890-х – начале 1900-х годов в Министерство финансов стали массово приходить ходатайства сельских обществ и земских учреждений, поддержанных губернаторами, о возвращении крестьянам права регулировать самостоятельно пребывание в селе питейного заведения и взимать плату за разрешение вести торговлю алкоголем. В многочисленных ходатайствах указывалось, что поступавшие таким образом денежные средства сельчане тратили на нужды народного образования и здравоохранения – постройку и ремонт, ремесленных училищ, школ и больниц, содержание персонала и так далее. По сообщениям местных властей годовые потери Тамбовской губернии составляли 457 115 рублей (1902 г.), Воронежской – 565 778 рублей (1899 г.), Курской – 382 000 рублей (1897 г.) [13, л. 18-36].

Несмотря на определенный общественный резонанс, Министерство финансов отклоняло эти ходатайства, ссылаясь на необходимость пристально разобраться в вопросе о том, насколько сильно сельские общества нуждались в этих доходах и как на самом деле их расходовали [13, л. 42-42 об].

В 1907 году эта проблема оказалась в центре внимания депутатов Государственной думы России Третьего созыва (1907-1912). В самом начале работы народного представительства стараниями депутата из крестьян, члена Союза 17 октября от Самарской губернии М.Д. Челышова был поднят вопрос о необходимости разработки законодательных мер по борьбе с пьянством в России. Уже в декабре 1907 года для этой цели была образована специальная думская комиссия во главе с епископом Гомельским Митрофаном, включавшая еще 21 депутата [9, л. 1].

Очень скоро – уже на первом заседании комиссии 13 декабря 1907 года – стало понятно, что ключевой составляющей готовящегося антиалкогольного

законопроекта станет вопрос о возвращении сельским обществам права самостоятельно разрешать и запрещать питейную торговлю на своей земле простым большинством голосов на сельском сходе [9, л. 3-3 об]. Затем начался этап уточнения и согласования конкретных параметров этой меры.

15 января 1908 года в заседании Комиссии о мерах борьбы с пьянством принял участие начальник главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей Министерства финансов И.И. Новицкий, приглашенный для участия в обсуждении готовящегося законопроекта. Чиновник в целом не возразил против депутатской инициативы, однако подчеркнул несколько важных для ведомства моментов. Так, право закрытия по приговору сельского общества должно было распространяться и на частные, и на казенные питейные заведения. Эта мера должна была иметь срок действия, по предложению Новицкого – 3 года, по окончании которого можно было изменить условия питейной торговли или оставить все как есть. Также чиновник акцентировал внимание на необходимости усиленного контроля администрации над крестьянскими приговорами, чтобы решения сельских обществ о закрытии винных лавок были поистине продиктованы трезвенническими мотивами [9, л. 11].

Депутаты скептически отнеслись к последнему замечанию Новицкого. Барон А.Ф. Мейендорф заметил, что существующего контроля над сельскими обществами со стороны земских начальников и уездного съезда вполне достаточно, чтобы не допустить лоббирования крестьянами интересов тайных торговцев спиртным [9, л. 14об].

В феврале 1908 года на очередном заседании комиссии о мерах борьбы с пьянством М.Д. Челышов предложил внести качественное изменение в вопрос о возвращении сельчанам права регулировать питейную торговлю – допустить к участию в составлении запретительных приговоров женщин (жен и матерей домохозяев). Депутат небезосновательно полагал, что женщины, становясь нередко жертвами домашнего насилия со стороны пьющих мужей, будут единогласно голосовать за ликвидацию винных лавок и трактиров [9, л. 25].

Красноречивы в этой связи слова одного тверского крестьянина, утверждавшего, что «не надо бабам давать прав, а то они все кабаки закроют» [20, с. 113].

Критически отнеслись к идее Чельшова в Министерстве финансов. С начала 1908 года ведомство разрабатывало параллельно с народными избранниками свой вариант антиалкогольного законопроекта. Согласно ему, участие женщин в сельских сходах не представляется возможным, поскольку это «противоречит народным обычаям» и состав сходов «точно предусмотрен законом» [10, л. 6]. Думается, что со стороны Министерства финансов в этом было небольшое лукавство. В начале XX века российское крестьянство оставалось по-прежнему в значительной степени патриархальным, однако статус женщины постепенно претерпевал значительные перемены, особенно в регионах, где был сильно развит отход. Практика участия женщин в сходах в случае отсутствия мужей была достаточно распространена, несмотря на противоречие народным обычаям [2]. Представители финансового ведомства, очевидно, прекрасно понимали, что будет с казенными винными лавками в селах, если женская половина деревни получит возможность существенно влиять на принятие решения о закрытии «казенки».

Показательным во всех отношениях стало в третьей Думе дело о закрытии питейных заведений села Максимовка Бузулукского уезда Самарской губернии [6]. Крестьяне этого села в 1906 г. составили ходатайство о закрытии в Максимовке казенной винной лавки. Причем перед этим они просили передать «казенку» в общественное пользование с распорядителями из числа самих крестьян. Губернатор и управляющий акцизными сборами Самарской губернии оставили ходатайство без удовлетворения. Мотивировка отказа заключалась в следующем: в 1905 г. акцизное ведомство заключило контракт о найме помещения для казенной винной лавки на 5,5 лет, в случае досрочного расторжения контракта казне пришлось бы выплачивать контрагенту неустойку в размере 900 рублей. При этом жители Максимовки погашать неустойку по предложению властей отказались. Следом администрация открыла в селе к уже

имеющимся казенной винной и пивной лавкам еще одну пивную лавку и винный трактир.

Эта история привлекла внимание депутатов, тем более она напрямую касалась Самарской губернии – региона, интересы которого в народном представительстве отстаивал главный борец с пьянством в Государственной думе М.Д. Чельшов. Депутаты поинтересовались у представителей финансового ведомства, почему в селе, крестьяне которого просили закрыть питейные заведения, таковые после соответствующего ходатайства только прибавились, и нельзя ли к вопросу о полной ликвидации в Максимовке торговли алкоголем вернуться в 1909 году, когда истечет срок аренды помещения под казенную винную лавку.

И.И. Новицкий в ответ сообщил, что министерство финансов, открывая две новые точки продажи алкоголя в селе, руководствовалось буквой закона – это позволительно для населенного пункта, в котором проживает более 5000 человек. Кроме того, по мысли чиновников, их решение усилит конкуренцию среди пивных, винных лавок и трактира, что приведет к улучшению условий торговли и, в конечном счете, пойдет на пользу жителям Максимовки. От себя добавим, что представителей министерства на такой шаг в значительной степени натолкнули сами крестьяне, которые сначала попросили передать казенную лавку в общественное пользование, а после отказа стали ходатайствовать о закрытии в селе всех питейных заведений. Чиновники посчитали, что сельчане таким образом пытались подготовить условия для открытия мест тайной продажи алкоголя.

Тем не менее, учитывая общественный резонанс, которые возник вокруг данной истории благодаря вниманию депутатов, И.И. Новицкий пообещал, что в Максимовке с 1 января 1909 будут закрыты все питейные заведения, а уплату неустоек возьмет на себя казна [6, л. 11-11 об].

Очевидно, что комиссия о мерах борьбы с пьянством Госдумы не имела возможности так реагировать на каждое крестьянское ходатайство, большую часть которых чиновники оставляли без удовлетворения. К слову, еще для

современников не был однозначно очевиден вопрос, кто является в этой ситуации борцом с шинкарством – Министерство финансов, не разрешавшее сельским обществам закрывать казенные винные лавки, или крестьяне, ведущие борьбу за свою «кабацкую конституцию».

Исследователи крестьянского быта, экономисты, официальные лица нередко отмечали, что казенная продажа питей, напротив, вызвала в селе настоящий бум шинкарства. Казенные лавки превратились, в иных местностях, по сути, в источник оптовой закупки алкоголя, который в розницу затем реализовывался тайными продавцами в круглосуточном режиме, под залог личных вещей покупателей, распивочно, а не только на вынос. В общем, так, как не могло происходить в государственных местах торговли спиртным. Самогоноварение в русской деревне начала XX века, по сведениям современников, практически отсутствовало. Шинкари занимались перепродажей казенной водки, что в итоге повышало доходы государственного бюджета (состоявшего в те годы на 1/3 из «водочных доходов») и провоцировало чиновников, декларируя бескомпромиссную борьбу с тайной торговлей спиртным, закрывать по факту глаза на это нарушение закона [8, с. 473, 483-484; 21, с. 896].

Современники констатировали, что именно близость казенной винной лавки создавала благоприятные условия для успешной деятельности шинков. И наоборот, ее дальность сокращала рентабельность корчмы. Если это было так на самом деле, то стоит признать, что Министерство финансов, не утверждая крестьянские приговоры о закрытии винных лавок, блюло, в первую очередь, интересы казны и потворствовало тайной торговле спиртным. Сельские общества, напротив, борясь за «кабацкую конституцию» демонстрировали лучшие трезвеннические мотивы.

Как бы то ни было, но депутаты в этом вопросе признали правоту крестьян. В итоговом антиалкогольном законопроекте, подготовленном комиссией о мерах борьбы с пьянством к концу 1911 года, главной составляющей был пункт о необходимости предоставления сельским

обществам права закрывать на своей территории питейные заведения путем голосования на сельском сходе с участием женщин – жен и матерей домохозяев. Питейные заведения должны были закрываться на три года по приговору, казенные – в течение двух месяцев после его составления, частные – по истечении срока действия патента [17, с. 690-693].

Данный законопроект так и не возымел силу закона. Вначале он длительно находился на рассмотрении в Государственном совете, а в 1914 году после начала Первой мировой войны в силу вступил так называемый «сухой закон» – ограничения на продажу алкоголя в период военного конфликта. «Кабачковая конституция» так и не вернулась в деревню. В завершение отметим, что в Государственной думе не звучал вопрос о возврате сельским обществам права давать разрешение на открытие питейного заведения с взиманием за то денежной платы. Очевидно, что в условиях функционирования государственной монополии на продажу крепких спиртных напитков это было невозможно.

Список литературы:

1. Афанасьев А.Л. Трезвенное движение в России в период мирного развития: 1907-1914. Опыт оздоровления общества. Томск: Томск. гос. ун-т. систем упр. и радиоэлектроники, 2007. 200 с.
2. Безгин В.Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). М. Тамбов: ТГТУ, 2004. 304 с.
3. Веселие Руси. XX век. Градус новейшей российской истории: от «пьяного бюджета» до «сухого закона». М.: Пробел-2000, 2000. 610 с.
4. Воронов Д.Н. Алкоголизм в городе и деревне в связи с бытом населения. Обследование в Пензенской губернии в 1912 году. Пенза: паровая типо-литография т-ва А.И. Рапопорт и Ко, 1913. 55 с.
5. Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. Ч. 1. СПб.: Государственная типография, 1908. 2140 стб.

6. Дело по запросу министру финансов о причинах отклонения Главным управлением неокладных сборов и казенной продажи питей ходатайства о закрытии винной лавки в селе Максимовка Бузулукского уезда Самарской губернии // Российский государственный исторический архив. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 2510. Л. 1-26.

7. Дмитриев В.К. Критические исследования о потреблении алкоголя в России. Москва: Изд. В.П. Рябушинского, 1911. 301 с.

8. Жеденов Н.Н. Казенная, общественная и частная продажа вина // Гроза врагов русского народа. М.: Институт русской цивилизации, 2013. С. 401-488.

9. Журналы Комиссии о мерах борьбы с пьянством. Первая сессия. 13 декабря 1907 г. – 22 мая 1908 г. // Российский государственный исторический архив. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3602. Л. 1-55.

10. Комиссия о мерах борьбы с пьянством. Журналы заседаний комиссии. 25 октября 1908 г. – 13 мая 1909 г. // Российский государственный исторический архив. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3605. Л. 1-57.

11. Комиссия о мерах борьбы с пьянством. Переписка председателя комиссии с министрами о порядке рассмотрения законопроектов в комиссии // Российский государственный исторический архив. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3606. Л. 1-161.

12. Ларин Ю. Алкоголизм и социализм. М.: 8-я типография «Мосполиграф», 1929. 143 с.

13. Материалы Комиссии о мерах борьбы с пьянством // Российский государственный исторический архив. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3603. Л. 1-246.

14. Народная борьба за трезвость в русской истории. Материалы семинара, проведенного обществами борьбы за трезвость БАН СССР, ЛГУ, ЛОИИ АН СССР 18 декабря 1987 г. Л.: БАН СССР, 1989. 47 с.

15. Новая редакция статей Устава о питейном сборе от 18 июня 1868 г. № 46003 // ПСЗРИ. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его императорского величества канцелярии, 1873. Собрание II. Т. XLIII.

16. О некоторых изменениях в правилах о питейной торговле от 5 мая 1892 г. № 8576 // ПСЗРИ. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его императорского величества канцелярии, 1887. Собрание III. Т. XII.

17. Одобренный Государственной думою законопроект о мерах борьбы с пьянством (об изменении и дополнении некоторых, относящихся к продаже крепких спиртных напитков, постановлений) // Чельшев М.Д. Речи, произнесенные в Третьей Государственной Думе, о необходимости борьбы с пьянством и по другим вопросам. СПб.: Тип. Ал.-Нев. общества трезвости, 1912. С. 690-701.

18. Положение о казенной продаже питей от 6 июня 1894 года № 10766 // СПб.: Типография II Отделения Собственной Его императорского величества канцелярии, 1898. Собрание III. Т. XIV.

19. Правила о раздробительной продаже напитков от 14 мая 1885 г. № 2946 // ПСЗРИ. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его императорского величества канцелярии, 1887. Собрание III. Т. V.

20. Протокол утреннего соединенного заседания всех трех секций 30 декабря 1909 года // Труды Первого всероссийского съезда по борьбе с пьянством. В 3-х т. СПб.: Типография П.П. Сойкина, 1910. Т. 1. С. 112-113.

21. Соколов Н.С. Меры борьбы с пьянством по проекту Государственной думы и министерства финансов // Труды Первого всероссийского съезда по борьбе с пьянством. В 3-х т. СПб.: Типография П.П. Сойкина, 1910. Т. 2. С. 887-898.

22. Фридман М.И. Винная монополия: в 2-х т. СПб.–Пг.: Типография «Правда», 1914-1916. Т. 1. 548 с.; Т. 2. 627 с.

Сведения об авторе:

Шевченко Иван Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории Липецкого государственного педагогического университета имени П.П. Семенова-Тян-Шанского (Липецк, Россия).

Data about the author:

Shevchenko Ivan Aleksandrovich – Candidate of Historical Sciences, Associated Professor of National and General History Department, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk, Russia).

E-mail: shevchenko.iwan@gmail.com.